

Валерий Николаевич Баранов (псевдоним Сербин) родился в 1949 году в селе Сербино-Веденяпино Балашовского района Саратовской области. Служил в Советской армии на космодроме Плесецк. Окончил Борисоглебский педагогический институт. Многие годы работал во ФСИН УВД Воронежской области, а затем более 20 лет — в АО «Борхиммаш» на различных инженерных должностях отдела маркетинга. Публиковался в журнале «Воспитание и правопорядок» и региональных изданиях.

Валерий Сербин

СЕРАЯ

Рассказ

Я окончил четыре класса начальной сельской школы. Лето. Тепло. Солнечно. Свобода и никаких обязанностей. Бегал по тракторному отряду, благо там работал мой отец, ходил на тырло смотреть обеденную дойку, где доярки предлагали попить сладенького парного молока. С ребятами купались в прогретой солнечными лучами прудовой воде, играя в догонялки...

Однажды мой сосед дядя Витя предложил прокатиться верхом на лошади, закрепленной за ним по его работе, — занимался он доставкой почты. Подробно объяснил: к лошадям нельзя подходить сзади, близко ставить ногу к копыту, размахивать руками. При верховой езде без седла одной рукой нужно крепко держаться за гриву, другой — за повод узды. Показал, как обращаться с треногой — веревкой для связывания передних ног животного. И, самое главное, как снимать и надевать узду, управлять с ее помощью лошастью. Выслушав бывалого лошадника, я согласился.

И вот я на коне. Натянув повод, произнес: «Но!» Чувствуя неопытного, неуверенного наездника, лошадь, переступив с ноги на ногу, задержав мышцами спины, медленно зашагала по двору. Я наслаждался катанием. «Как, нравится?» — спросил дядя Витя. Кивнув головой, я гордо отве-

тил: «Да!» — «Ну, слазай». Продолжим обучение, — улынулся дядя Витя. — Чтобы хорошо держаться на лошади, нужны навыки. Слушай для начала, как надо взбираться в силу твоего возраста и роста на любого коня: левой рукой берешься за гриву, правой за холку, затем быстро вскакиваешь левой ногой на коленную чашечку передней ноги лошади и, помогая левой и правой руками, выпрыгиваешь вверх. При этом закидываешь правую ногу на ее круп».

Я приступил к тренировкам. Сразу не получилось, пробовал еще и еще до тех пор, пока не усвоил необходимую науку.

Потом были выездки под неусыпным оком дяди Вити, где и проявился у меня настоящий интерес в верховой езде.

Дядя Витя был среднего роста. Жил с женой. Детей им Бог не дал. Имел он инвалидность с рождения: одна нога была короче другой. Передвигался, работал только с помощью тросточки, которую сам смастерил. С торсом, в отличие от тощих, немощных ног, ему повезло: развитые мышцы груди и спины рельефно выпирали. Широкие плечи. Ладони рук большие, с загрубелыми мозолями. По дороге дядя Витя шел широко раскачиваясь, как маятник, тяжело припадая на трость. В компании, где накрывали на стол с бутылкой «белоголовки» по поводу и без, откупоривать доверяли только ему. Делал он это артистично-мастерски — одной рукой брал за горлышко, а другой с размаха бил ладонью в донышко. Пробка с шумом, крутясь, отскакивала, увлекая за собой брызги спиртного. Многие не раз пытались повторить его трюк, но безуспешно...

В один из вечеров дядя Витя попросил меня пригнать из табуна его кобылу. Выслушав напутствия, схватив узду, сахар для лакомства, с радостью помчался.

Соседская лошадь была очень красива: голова с горбинкой, на которой четко просматривались прожилки, маленькие торчащие ушки, тонкие, короткие ноги, широкая, мускулистая грудь. Она имела интересный окрас: ноги от копыт до колен, хвост, грива — вороного цвета, а все остальное — серого. От того и незамысловатая кличка у нее — Серая.

В табуне Серая покорно подпустила меня. Я снял с передних ног треногу, обвязал вокруг ее шеи, надел узду и протянул на ладошке белый кубик. Ноздри лошади, выдохнув струю теплого воздуха, задергались, толстые, мягкие губы зашевелились при приближении к сахару и... одним мускульным движением отправили его в рот. Челюсти сжались, раздался хруст, как будто раздавили стеклянный пузырек колесом автомашины. Поняв, что угощенье принято, взнуздal кобылу, оседлал ее, медленно поехал.

Страха, что лошадь может меня укусить, понести, не было. Чувствовал что-то новое, приятное и даже полезное в моей жизни.

Поднявшись из балки, направились на дорогу с небольшим спуском к жилым домам. Лошадь затрусила, жестко подбрасывая меня, и тут же взяла в галоп. Я обеими руками схватился за гриву, интуитивно стараясь удерживать равновесие. На взгорке она перешла на шаг. Моей радости не было предела. Это была моя первая самостоятельная езда верхом на коне. Душа ликовала. С улыбкой от счастья подъехал к дому хозяина кобылы. Дядя Витя подошел с неразлучным бадиком в руке, взволнованным голосом спросил: «Гнал Серую?» Я ответил: «Нет, она сама побежала...»

Каждый раз я прибегал к соседу, когда лошадь стояла в конюшне. Дядя Витя всегда встречал меня радушно. Общались мы с ним и разгова-

ривали на разные темы. Но меня в первую очередь тянуло к коню. Сосед это заметил и доверил больше: чистить железной щеткой плотную короткую шерсть лошади, расчесывать большим деревянным гребнем гриву. Сыпать овес. Убирать помет. Он даже разрешил брать лошадь, когда она в табуне, и кататься на ней, но недолго.

Я любил купать Серую в пруде и, держась за гриву, плыть вместе с ней, чуя, как она перебирает в воде ногами.

После водных процедур выезжал на ковыльный степной простор и несся галопом. Иногда, давая отдохнуть лошади, спрыгивал с нее и ложился спиной на траву, устремив взор к небу. А вокруг звенели жаворонки, пересвистывались перепела, копчик, как заводная детская игрушка, трепеща крыльями, зависал над нами. Орел степенно парил в выси: не то, высматривал зорким глазом себе пищу, не то наслаждался восходящим потоком воздуха. Серебристые облака, словно айсберги, медленно проплывали, унося куда свое сказочное величие...

Однажды во время очередной скачки, когда мы прилично удалились от табуна, Серая стала тянуть назад в балку, на пастбище. Я пытался ее удержать, но, чуя слабость поводка в моих руках, она не подчинялась и все больше набирала ход. Промчавшись равнину, устремилась вихрем к склону, где еще прибавила резвости и вдруг... шумно упала, ударившись, всей своей массой о землю. Я, словно камень, выпущенный из большой рогатки, крутясь, полетел вперед с одной мыслью: «Только бы не убежала далеко лошадь!» Очухавшись, стал ловить Серую, но она не подпускала меня, а храпела и носилась среди обеспокоенных коней, мотая головой, то и дело наступая передней ногой на висящий повод узды.

Измученный, с болью в теле и в груди, не зная, что делать, сел я на холмик. Поглядывая на табун, заметил, что моя взбешенная лошадь успокоилась, заципала траву. Уверенно подошел к ней, снял узду, спутал передние ноги и пошел прочь.

Но тут вдруг что-то заставило меня оглянуться.

Вижу, что Серая не пасется, а виновато смотрит в мою сторону. Мне стало жалко ее. Я вернулся, погладил лошадь своей тоненькой рукой по лбу, шее. Она принялась меня обнюхивать, пытаюсь перекинуть большую голову за мое плечо и как бы обнять. Я посмотрел ей в глаза. Они были у нее полны какой-то прощальной грусти.

Прибжевав домой, стал играть с младшим братом. Летний теплый день сменился тихим вечером. Соседи, прогуливаясь возле своих домов, ждали пастуха с коровами и овцами. Напротив некоторых домов горели костры — это на казанках готовился нехитрый ужин. Запахи дыма от горящих дров, кизяков и жареной картошки наполняли все окрест.

Вдалеке на тропинке показался отец. Он шел с работы быстрой, недоброй походкой. В душе у меня возникла какая-то непонятная тревога. Я, как мышонок, юркнул в сени, но отец, забежав, схватил меня за одежду, сорвал, висевший на стене кнут для выгона скота, зажал в угол и стал хлестать меня, приговаривая: «Я тебе сейчас дам лошадь! Я тебе дам лошадь!» Откуда-то заскочила мать, набросилась на отца, заголосила: «Деспот, ты что делаешь?! Зачем бьешь ребенка?!» Отец, задыхаясь, выпалил: «Его час назад чуть лошадь не раздавила! Разогнал он ее под гору, а она споткнулась, и он вместе с ней катился, кувыркаясь через голову! Еще раз увижу у лошадей — засеку!»

Мать, не отпуская меня, ласково прислонилась ладонью к моей щеке, слезно прошептала: «Ну, как же ты так, сы-но-чек?!»

Всю смертельную опасность моего полета с лошади видел дед по прозвищу Коршун, сидевший на завалинке дома. Он и рассказал все отцу.

В это лето к началу учебного года наша семья переехала в село со средней школой. Больше я не подходил к лошадям и никогда на них не катался...

Повзрослев, когда, случается, вижу репродукцию картины Петра Водкина «Купание красного коня», я как бы радостно окунаюсь в свое далекое детство. С благодарностью вспоминаю Серую и наше с ней опасное падение. Но вот плакал ли я от боли, когда отец отучал меня от любви к лошадям, не помню...

